

Г. В. Карандашев

Крестьянская повседневность: потребление алкоголя в российской глубинке в конце XIX – начале XX века

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в области питейного дела в российской провинции в конце XIX – начале XX в. Потребление спиртных напитков являлось заметным элементом повседневной жизни ярославских крестьян. Опираясь на местные архивные материалы, автор исследует социокультурные аспекты потребления алкогольных напитков в сельской местности, эффективность правительственных попыток ограничить народное пьянство и злоупотребления в сфере виноторговли в России в конце XIX – начале XX в.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1885–1901 гг., периодом между принятием «Правил о раздробительной продаже напитков» и введением казенной винной монополии в губерниях центрально-промышленного района России, оказавшей значительное влияние на самые различные стороны жизни общества и государства.

В конце XIX – начале XX в. происходила монополизация питейной торговли немногочисленными частными торговцами. Попытки навести порядок в сфере питейного дела были безуспешны. Ограничительные меры приводили к тому, что потребность населения в алкоголе удовлетворялась нелегальным путем. В простонародной среде культура домашнего потребления спиртного не была развита. Потребление алкоголя связывалось как с существованием определенных традиций, так и с повседневным бытом крестьян.

Ключевые слова: налоги, акцизная система, питейное дело, традиции, пьянство, кабак, спиртные напитки, присутствие по питейным делам.

G. V. Karandashev

Peasant daily: the consumption of alcohol in the Russian province in the late XIX – early XX cent.

The article discusses the alcoholic question in the Russian province in the late XIX – early XX century. The consumption of alcoholic beverages was a prominent feature of the everyday life of the Yaroslavl peasants. Drawing on local archival materials, the author explores the socio-culture aspects of consumption of alcoholic beverages in rural areas, the effectiveness of government attempts to limit public drunkenness and abuse in the field of wine trade in Russia in the late nineteenth century.

Chronological framework of the study is limited 1885–1901, between the adoption of the «regulation on separate sale of drinks» and the introduction of state wine monopoly in the provinces of Central Russia, that had a significant impact on a variety of aspects of society and the state.

In the late XIX – early XX centuries the liquor trade was monopolized by a few private vendors. Attempts to restore order in the sphere of drinking business were unsuccessful. Restrictive measures led to the fact that the demand for alcohol was met by illegal means. In the vernacular medium culture of home alcohol consumption was not developed. Alcohol consumption was associated with both the existence of certain traditions and everyday life of peasants.

Keywords: taxes, excise system, drinking business, tradition, drinking, tavern, alcohol, alcohol office.

В конце XIX в. налоговое законодательство развивалось в сторону отказа от преобладания косвенных налогов к их более гибкому сочетанию с прямым фискальным обложением. Из российской экономики устранялись откупа, а затем и некоторые акцизы, служившие главным источником роста косвенных налогов. Они заменялись новыми, более гибкими формами регулирования хозяйственной деятельности.

В области питейного дела ситуация складывалась несколько иначе. Действительно, в 1863 г. откупа сменила акцизная система, утвердившая относительную свободу производства и торговли спиртными напитками. Но с конца XIX в. власти

вновь начали активно вмешиваться в питейную сферу.

Заметным мероприятием стало введение нового порядка организации питейной торговли. 14 мая 1885 г. были приняты «Правила о раздробительной продаже напитков», которые вступили в силу 1 января 1886 г. Суть постановления заключалась в том, что с этого времени реализация спиртных напитков на вынос и распивочно осуществлялась в различных заведениях [7]. Правительство попыталось усилить контроль над питейной торговлей и приучить народ к домашнему потреблению вина, которое и доходов давало больше.

Распивочная торговля стала допускаться лишь в заведениях трактирного типа с продажей пищи. Кабак (питейный дом) был уничтожен. Учреждались два новых типа выносных питейных заведений – ведерные и винные лавки с незначительным, по сравнению с распивочными заведениями, патентным сбором.

Кроме того, у сельских обществ было временно отнято право выдачи разрешений на производство питейной торговли. Теперь они могли лишь ходатайствовать о полном воспрещении продажи вина, и то в том случае, если в селении проживало менее 5 тыс. человек или оно не являлось фабричным, базарным, не находилось у железнодорожных станций, пристаней, перевозов [7].

Для регулирования торговли спиртными напитками были образованы губернские и уездные присутствия по питейным делам, а в городах данная миссия была возложена на городские думы [7]. В Ярославской губернии «Правила о раздробительной продаже напитков» действовали до 1901 г., вплоть до введения казенной минной монополии.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что так называемая культура домашнего потребления зависела от материального благосостояния народа. Пристрастившееся к спиртному малообеспеченное население потребляло его безудержно, по мере появления денег или получения кредита со стороны продавцов. Бедняки зачастую выпивали у мест продажи на улице «урывками, невоздержанно» [1, л. 57].

Крестьяне подчеркивали свою слабость перед силой вина и неспособность отказаться от выпивки. Пьянство, разгул, тяга к игре в карты признавались следствиями тяжелой жизни. По их представлению, от этих увлечений было практически невозможно избавиться.

Так, крестьянин И. Андреев не скрывал, что иногда находился в состоянии длительного запоя. Он называл вино «проклятым напитком» и считал счастливым того, кто «не испытывал к нему страсти». Сам И. Андреев состоял в «Обществе трезвости Святого Духа» и регулярно «записывался» от спиртного – давал клятву не пить до определенного срока, но всегда «разрешался» намного раньше [6, л. 4–3].

Также он рассказывал, как по старинному обычаю было принято во время праздника навещать соседей. Жители ходили по домам, потчевали друг друга и угощали вином. Это помогало поддерживать дружеские отношения. Так про-

должалось в течение нескольких дней [6, л. 4–63].

Крестьянин Ростовского уезда Ярославской губернии К. Лапшин считал, что пьянство загубило его жизнь. Свое пристрастие к алкоголю он объяснял тем, что потребление спиртных напитков в его семье было привычным. Мать крестьянина выпивала, дядя по матери «от водки потерял рассудок и даже был прикован на цепь». Братья также пили водку. Один из них пил постоянно, а другой страдал запоями. К. Лапшин начал пить водку достаточно поздно – в 32 года. Он злоупотреблял спиртным, выпивая иногда до 5 бутылок в день, не раз терял сознание. Несколько раз лечился в земской больнице [5, л. 36].

Нередки были случаи, когда не только бедняки, но и состоятельные сельские жители спивались и теряли последнюю копейку. Так произошло с С. И. Пустяковым – крестьянином д. Голенищево Никольской волости Ярославского уезда, который, по деревенским меркам, был очень богат. С. И. Пустяков вместе с женой начал пить и постепенно все их хозяйство пришло в упадок. Часть земель он сдавал в аренду по низкой плате, а нажитое имущество продавал за бесценок. Соседи и знакомые пользовались этим и в обмен на вино или небольшие деньги брали у Пустяковых любые вещи [6, л. 4–63].

Потребление напитков в крестьянской небогатой среде было связано как с обычаями, так и просто с бытом. Народная привычка «свои обыденные дела, сделки, семейное горе и радости и все взаимные сношения обливать водкою» сводила на нет попытку отрезвления. К тем же, кто не следовал традициям, относились, по меньшей мере, подозрительно [3, л. 58].

Что касается обеспеченного сельского населения, для него было характерно именно домашнее потребление винно-водочных изделий. Управляющий акцизными сборами Костромской и Ярославской губерний Б. К. Кукель писал, что «зажиточный семьянин пьет ежедневно свою чарку вина, имея средства на то, и потребляет в течение года несравненно больше вина, чем записной пьяница – бедняк» [3, л. 57].

Содержатели питейных заведений стремились к возможно большему сбыту вина и предоставляли потребителям кредиты с длительной отсрочкой платежа. Весьма заметным было стремление виноторговцев к открытию распивочной торговли и ренсковых погребов. Это легкообъяснимо, так как в винных лавках, открывавшихся для продажи вина в опечатанной посуде на вы-

нос, было трудно его фальсифицировать и разбавлять, следовательно, заработки ограничивались.

Прибыль торговца составляла большую долю от средств, потраченных на вино покупателем. А различные нарушения, в том числе обмер и беспатентная продажа, давали еще большие барыши. По сведениям акцизного ведомства, казна получала акцизного дохода по 81 копейке за литр. Столовое вино известных фирм продавалось в бутылках от 1 рубля 60 копеек до 2 рублей 10 копеек за 1 литр. Заводчику же 40-градусный алкоголь обходился в 5–7 копеек за литр, очистка составляла от 1 до 4 копеек за литр [1, л. 57–62].

По оценкам акцизного ведомства, качество вина являлось приемлемым только в тех местах, где оно продавалось на вынос в опечатанной посуде. Вино, продававшееся из ренсковых погребов и в трактирных заведениях в розлив, почти везде отличалось низкопробностью. В обнаруженных местах беспатентной торговли водка никогда не оказывалась законной крепости, и часто % спирта был снижен до 30°. Водка в 35° считалась в таких заведениях нормальной.

Владельцы винных лавок часто нарушали закон в интересах наживы, соединяя торговлю вином со скупкой хлеба и других сельских продуктов, вывозимых крестьянами на продажу, при этом рассчитываясь за товары алкогольными напитками. Данное обстоятельство отрицательно сказывалось на материальном положении сельского населения. Нередко вблизи винной лавки у виноторговца или его доверенного лица имелось помещение, где производилось распитие купленного вина. При отсутствии подобных мест спиртное потреблялось на улице, что характеризовало наличие у народа потребности к распитию вина на месте покупки [1, л. 61].

Нелегальные места реализации алкогольной продукции точному подсчету не поддавались. Кроме тайной торговли вином в частных жилищах, возникали и специализированные заведения. Так, в губерниях Центрально-промышленного района появилось множество чайных лавок, в реальности служивших для торговли вином. В результате потребность населения в вине удовлетворялась нелегальным путем [1, л. 61].

Незаконные места продажи спиртных напитков располагались в частных домах, недоступных для акцизных чиновников. Большинство нарушений обнаруживалось полицией благодаря премии в половину штрафа. Денежные премии по-

служили развитию кляузничества в народе. Запугивание в результате обвинения в беспатентной торговле составляло своего рода доходную статью для шантажиста и было средством для даровой выпивки [1, л. 63].

Беспатентная торговля алкогольной продукцией была развита настолько сильно, что в акцизных управлениях заявляли о невозможности акцизного надзора и полиции бороться с ней. При отсутствии неоспоримых доказательств в беспатентной торговле вином мировые судьи в большинстве случаев выносили оправдательные приговоры.

Уездные присутствия по питейным делам не оправдали возлагавшихся на них надежд. Вся их деятельность была направлена на ограничение торговли вином, что способствовало развитию легальной и нелегальной монополии кабатчиков. Характерным примером, иллюстрирующим сложившуюся ситуацию, служит разбирательство по поводу нарушения Питейного Устава в заведениях ярославского купца Н. Ф. Шалаева.

В рапорте на имя ярославского губернатора от 4 марта 1899 г. пошехонский уездный исправник сообщал о росте торговли низкопробным вином, особенно в винных лавках купца Н. Ф. Шалаева, где были найдены неустановленные печати. Всего в Пошехонском уезде Ярославской губернии было три трактира, две ведерных и семнадцать винных лавок купца Н. Ф. Шалаева, а в г. Пошехонье находился его винокуренный завод. Сам Н. Ф. Шалаев оградил себя от закона тем, что во всех этих торговых заведениях находились ответственные приказчики, а на винокуренном заводе – управляющие. Местные жители заметили, что вино продавалось не всегда надлежащей крепости, особенно во время праздников, так как «торговля водкой в это время бывает усиленной». По слухам, низкопробное вино доставлялось с завода Н. Ф. Шалаева [2, л. 355–367].

Акцизный надзор, по донесениям приставов, очень редко проверял винные лавки, и о приезде чиновников приказчикам всегда было заблаговременно известно.

После ревизии в одной из лавок было обнаружено, что вино опечатывалось незапатентованной печатью. В другой лавке были найдены стаканы и приспособления для распития, а в третьей была «обнаружена водка крепостью в 38° и недомер в посуде – в полуведерной не достает более полбутылки, а в бутылках около двух рюмок» [2, л. 358].

Использование незапатентованных печатей доверенный Н. Ф. Шалаева объяснил тем, что в акцизном управлении не всегда делали оттиски печати на патенты. А до этого «посуда опечатывалась в ведерных лавках без предъявления печатей акцизному управлению, видимо, по недосмотру самих акцизных чинов, чем и пользовался Шалаев, а в управлении не заметили предъявленных со стороны Шалаева разных печатей» [2, л. 358].

В рапорте от 24 мая 1899 г. исправник информировал о проверке на винокуренном заводе Н. Ф. Шалаева, где был обнаружен недолив вина в бочки. Выяснилось, что в виноторговле принимал участие сын Н. Ф. Шалаева – Н. Н. Шалаев, который состоял городским головой г. Пошехонье.

Из рапорта от 6 октября того же года стало известно, что во временном отделении Ярославского окружного суда г. Пошехонье разбирались несколько дел по обвинению приказчиков винных лавок Н. Ф. Шалаева. Двенадцать приказчиков были оштрафованы. Официального сообщения о привлечении самого Шалаева у полиции и присутствия по питейным делам не имелось [2, л. 365–367].

Во время казенной винной монополии и даже после введения «сухого закона» 1914 г. Н. Ф. Шалаев продолжал заниматься питейной торговлей, выправив разрешение [4, л. 70–75].

Все это свидетельствует о монополизации питейного дела в руках немногочисленных, часто связанных кровными узами, торговцев, имевших влияние и связи в государственных учреждениях, а также о некомпетентности ведомств, контролировавших питейную торговлю и производство, опиравшихся в работе в основном на слухи и часто недобросовестно выполнявших обязанности.

Информация региональных источников дает возможность обнаружить все несовершенства

введенной системы. Они проявились в самых различных злоупотреблениях. Правительство не спешило активизировать общественность путем передачи ей части прав и ответственности по контролю над виноторговлей. Исключение было сделано только для сельских обществ, которые выносили запретительные приговоры. Однако, как показал анализ источников, сельские общества постепенно становились объектом влияния со стороны виноторговцев.

В конце XIX – начале XX в. в простонародной среде привычка домашнего потребления спиртного не была развита и «Правила о раздробительной продаже напитков» не изменили этого. В будущем, с введением государственной водочной монополии, именно этот факт станет причиной развития массового уличного пьянства. Власти располагали информацией о народных традициях и обычаях потребления спиртных напитков, что не помешало открытию тысяч казенных винных лавок под эгидой, в том числе, борьбы за нравственность.

Библиографический список

1. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 6629
2. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 7030
3. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 9662.
4. ГАЯО. – Ф. 140. – Оп. 1. – Д. 773.
5. ГАЯО. – Ф. 582 – Оп. 1. – Д. 1015.
6. ГАЯО. – Ф. 582. – Оп. 1. Д. 1172.
7. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собр. III. Т. V. № 2946. – СПб., 1887.

Bibliograficheskij spisok

1. GAYAO. – F. 73 – Op. 1. – D. 6629.
2. GAYAO. – F. 73 – Op. 1. – D. 7030.
3. GAYAO. – F. 73 – Op. 1. – D. 9662.
4. GAYAO. – F. 140 – Op. 1. – D. 773
5. GAYAO. – F. 582 – Op. 1. – D. 1015
6. GAYAO. – F. 73 – Op. 1. – D. 6629
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Tekst]. Sobr. III. T. V. № 2946. – SPb., 1187.